

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РУССКАЯ ПЕВИЦА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ портрет Н. А. Обуховой — это рассказ об артистке высокого мастерства и человеке предельной простоты и безыскусственности.

На сцене, на эстраде Обухова полностью отдает себя образу, чувству композитора и полностью владеет собой. Необыкновенное слияние этих данных, составляющих сложный комплекс роли или песни — музыки, текста, голоса, тщательной художественной обработки, — заставляет вспомнить о Шаляпине. Когда Обухова поет, забываешь все сопутствующее ее исполнению. Звучит только ее голос — глубокий, теплый, от природы поставленный, в котором есть и звон металла, и мощь органа, и мягкость бархата.

Обухова обладает изумительным бельканто, которое теперь является почти легендарным. Ее пение течет, как плавная река, без подходов к ноте, с совершенно незаметными и как бы неизбежными переходами от низких нот к высоким, пение, вольно и свободно льющееся.

В чем заключается секрет художественного воздействия Обуховой на слушателей? Впечатление, которое музыка производит на людей, всегда кроется в искусстве сочетания звуков, в нарастании и развитии темы. «Чудо» творчества в нравственном, душевном удовлет-

НА СНИМКЕ: Н. Обухова — Любава («Царская невеста»).

ворении, которое испытываешь, когда это нарастание разрешается. И когда Обухова заканчивает пение, вспоминаются слова одной из ее любимых песен:

...С души, как бремя скатится...
И так легко, легко!

***

За время своего служения в Государственном академическом Большом театре Надежда Андреевна Обухова исполнила много ответственных партий: Марфы в «Хованщине» Мусоргского, Любаши в «Царской невесте» Римского-Корсакова, Кармен в опере Бизе, Амнерис в «Аиде» Верди, Далилы в опере «Самсон и Далила» Сен-Санса и многие другие.

Я не могу в кратком очерке уделить достаточно внимания деятельности Обуховой в опере, но приведу две роли, показывающие, каким мастером сценического искусства она является.

Это две полярно противоположные роли: Марфа в «Хованщине» и Кармен. От ее Марфы веет древнею Русью. Поступь героини, неторопливые, властные движения, исполненные внутренней, сдержанной си-

лы. Сарафан и низко, надвинутый на брови платок делают ее похожей на женщин с картин Нестерова. Рисунок образа поражает строгостью и сложностью. Марфа — Обухова не только женщина фанатичной веры, обрекая себя добровольно на сожжение во имя ее торжества, — это вместе с тем страстная душа, готовая погибнуть со своим возлюбленным, лишь бы не уступать его сопернице. Но темперамент Марфы глубоко затаен, скрыт за семью замками, и разве во взлете соболиных бровей, повороте головы иногда вырывается на волю. А рядом — Кармен, ее свободное чувство, которое сверкает и искрится в каждом жесте, в каждом движении Обуховой. Закидывает ли она шаль или бросает цветок Хозе — перед глазами зрителя всегда встает темпераментная, яркая Испания. Марфа и Кармен. Два мира, два века, два чувства, но и тут и там исключительная правда, какую может передать только подлинный художник.

***

Много внимания и труда уделяет Надежда Андреевна камерному пению. В последние годы она целиком перешла к концертной деятельности. Труд — сказала я; но когда слушаешь пение Обуховой, о труде ее не думаешь: кажется, что сама собой родилась песня и понеслась на крыльях. И, однако, певица подолгу разучивает каждую исполняемую ею вещь, до мельчайших оттенков разрабатывает ее, часами просиживает у рояля в поисках проникновенной интонации, звучания какой-нибудь одной ноты. Каждая из спетых ею вещей шлифуется, как настоящая драгоценность.

У Обуховой своеобразный репертуар. Она любит романсы Глинки, Варламова, Гурилева, Чайковского, Римского-Корсакова. Она великолепно исполняет и произведения западных классиков. Но ее подлинная стихия — народная песня.

Как-то одна известная певица сказала мне:

— Я слушала Обухову, и странно: передо мной все время вставало море.

Я поняла ее: в пении Обуховой есть дыхание природы. Знаменитая певица прошлого века Джени Линд говорила о себе, что учил ее пение птиц. Мне кажется, что учителями Обуховой были шум ветра, шепот леса, ропот моря, звуки летней ночи в поле и над рекой. Когда она поет народные песни, от

НА СНИМКЕ: Н. Обухова — Любавь («Мазепа»).

Н. А. Обухова.

них веет сладким запахом родных полей. А исполненные ею старинные романсы рожают в воображении целую эпоху: окно, открытое в сад, арфа у окна, пяльцы, клавесин, улыбка пушкинской «барышни-крестьянки»...

Народные песни других стран ближе ее душе, чем изысканные романсы западных композиторов. Мне самой случилось видеть и слышать тарантеллу на Капри — молодые итальянские рыбаки признали бы в Обуховой «свою» и охотно плясали бы под ее песни. Недаром как раз на Капри — еще совсем юной девушкой — она часто пела под аккомпанемент местного гитариста Джованни Амброзини. По вечерам в апельсиновый сад весь городок сходил слушать «русскую синьорину», а когда она уезжала, благодарные слушатели провожали ее прощальной серенадой.

Искусство цыганского народа всегда привлекало к себе Обухову. Любовь к безыскусственным песням кочевья перешла к ней от дяди, который был знатоком старозаветного цыганского пения, в былые времена пленявшего Пушкина, Льва Толстого, Апхutiна. Совершеннейший мастер вокального искусства, Обухова не отказывает себе иногда в удовольствии спеть цыганскую песню под гитару.

***

В Большом театре Обухова работает 30 лет. И за это время ее искусство получает все большее общественное признание. В 1937

НА СНИМКЕ: Н. Обухова — Кармен.

году правительство награждает ее орденом Ленина и удостоивает звания народной артистки СССР, а в 1943 году ей присуждается Сталинская премия.

Факты ее жизни?

Вообразите себе самое сердце России — Тамбовскую губернию: обширные пашнища, голубого овса, розовой гречихи. Старинный дом в запущенном саду. В этом доме жил когда-то предок певицы — поэт Евгений Баратынский, современник и друг великого Пушкина. Много лет спустя здесь появилась маленькая девочка. Она росла, как пушкинская Татьяна, впитывая в себя звуки русских песен, картины родной природы.

Все русское особенно идет к ней: русский наряд, пестрые набойки ее сарафанов. Ей мил простой, деревенский дом, лес с ягодами и грибами. Она может часами просиживать с книгой на берегу реки, то читая, то подслушивая плеск и шепот воды. Она заходит в избушки своих соседей, рыбаков, паромщиков, и везде ей рады и приветствуют ее.

Надежда Андреевна необычайно щедра. Она не просто исполняет свои песни, а одаряет ими людей. Она может часами просиживать в больнице, у постели совершенно незнакомой ей тяжело больной девушки, только потому, что та мечтала увидеть в жизни свою любимую певицу. Последней радостью знаменитого русского художника М. В. Нестерова было посещение Обуховой. За несколько дней до его смерти Надежда Андреевна пела для него.

Личная жизнь артистки никогда не заслоняет творческой жизни. И эта способность помогала и помогает артистке переносить трудности, разочарования и потери, неизбежные у каждого человека.

В жизни и на сцене Обухова необычайно естественна. Какая-то недоуменная, мило смущенная улыбка в ответ на восторги и приветствия. Радость, простая и безыскусственная, по поводу всего хорошего, что встречается на ее пути. И полное отсутствие себялюбия, самолюбования. Я, например, знаю, что после одного из ее концертов в Ленинграде тысячная толпа собралась перед окнами гостиницы, где жила Обухова, и когда она, наконец, появилась, ей устроили овацию. Но знаю это не от Надежды Андреевны. Она не рассказывала мне об этом. Но зато как она охотно говорит и

НА СНИМКЕ: Н. Обухова — Марина Мнишек («Борис Годунов»).

как она гордится огромным потоком писем, который непрерывно идет к ней со всех концов нашего Союза, — писем от людей, которые никогда ее не видели, а только слушали по радио.

Надежда Андреевна охотно и щедро выступает на многочисленных шефских концертах, поет для товарищей, поет в больницах, школах, клубах... Особенно много пела она в дни войны в госпиталях, для раненых, никогда не отказываясь от приглашений. Медали «За доблестный труд» и «За оборону Москвы» вполне ею заслужены.

Я, да и все жившие тогда в Мо-

НА СНИМКЕ: Н. Обухова — Марфа («Хованщина»).

ске не забудут грозные зимние дни 1941—1942 года. Москва была фронтом. Все оставшиеся в столице работали под вой тревожных сирен, над грохотом авиабомб и треск зениток, твердо зная, веря, что Москва устоит! Эта уверенность помогала жить, забыв все мелкое, все личное. И была большая, волнующая удовлетворенность в сознании, что мы все — и пожилые, и молодые, и слабые — делим опасность с защитниками Отечества, своим трудом помогаем Родине. В те дни радио ни на минуту не прекращало своей деятельности. Над затемненным городом в зимние морозные ночи плыли сладостные звуки Чайковского, торжественные хоралы Баха, народные песни... И мы знали, что их слушают на фронте, который в те времена подходил совсем близко к городу.

Среди звучавших из мрака голов был один... Первые глубокие, бархатные ноты, как яркие лучи света, проникали сквозь густую тьму. И легче становилось дышать, и смягчались измученные сердца. Этот голос принадлежал Надежде Андреевне Обуховой.

Он разливался по всей необъятной стране: он долетел до ледяного Заполярья, звучал в кавказских аулах, его слушали бойцы на Смоленщине, моряки Балтийского и Черного морей...

В Радиокomitee приходили письма от воинов с просьбой: «Пусть поет Обухова!». Отвсюду в ответ на ее песни летели письма к ней. Как-то Надежда Андреевна показала мне пачку этих писем: их сотни — красивые послания с цитатами из поэтов и глубокими мыслями и каракулями с орфографическими ошибками, — но все они говорят об одном: о том, что в пяти словах высказал один из корреспондентов певицы, моряк-черноморец: «Пение Обуховой помогает нам жить».

СОВЕТСКИЙ
АРТИСТ

3

22 февраля 1961 г.